

Власть и общество: конституционные и административные реформы

© 2011 г. В. Ю. ЗАХАРОВ*

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ВАРИАНТ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX века

Проблема реформирования государственного строя Российской империи в первой четверти XIX в. является одной из наиболее интересных и дискуссионных в отечественной историографии. Вот уже более полутора веков историки спорят о возможности (или невозможности) реализации конституционной альтернативы развития страны во время правления императора Александра I. При этом в центре их внимания находятся такие проекты, как Жалованная грамота российскому народу 1801 г., Введение к Уложению государственных законов М.М. Сперанского 1809 г. и Уставная грамота Российской империи Н.Н. Новосильцова 1818–1820 гг., разрабатывавшиеся по личному указанию и при прямом участии Александра I. Можно ли считать эти проекты конституционными? Какие цели преследовал император при их разработке? К каким изменениям в политическом и социально-экономическом развитии России могла привести реализация этих проектов? В чем причины их неопубликования? Таков далеко не полный перечень вопросов, встающих перед исследователями реформ Александровского царствования.

Следует отметить, что еще с конца XIX в. в историографии намечались два, по сути, противоположных подхода к пониманию сущности и направленности реформ Александра I. Условно их можно определить как концепции «заигрывания самодержавия с либерализмом»¹ и «приспособления государственной власти к новым общественно-политическим и социально-экономическим условиям»². Сторонники первой концепции считали попытки реформ начала XIX в. насквозь фальшивыми, вызванными исключительно внешними обстоятельствами и поэтому заранее обреченными на провал. Александр I оценивался ими как убежденный сторонник самодержавия, временно использовавший либеральную фразеологию для борьбы с сановной оппозицией, выступавшей после свержения Павла I за ограничение власти монарха, а также для повышения собственного авторитета на международной арене (примерно так же, как в свое время Екатерина II, использовавшая модные тогда идеи «просвещенного абсолютизма»). Как только опасность миновала, с «показным либерализмом» было покончено, и Александр I перешел к укреплению режима личной власти³. Сторонники концепции «приспособления» вслед за А.Н. Пыпиным, впервые сформулировавшим эту идею, считали главной причиной реформ осознание передовой частью общества во главе с Александром I необходимости реформ с целью недопущения в России событий, подобных Французской революции, а также приведения в соответствие с «вехами времени» всех сфер общественной жизни. Причины неудач задуманных реформ виделись в сопротивлении господствующего класса, узости социальной базы, неспособности

* Захаров Виталий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета приборостроения и информатики.

или нежелания правительства опереться на другие, более широкие слои населения, нерешительности инициатора реформ императора Александра I⁴. На разных этапах развития отечественной исторической науки поочередно верх брала то одна, то другая концепция. Причем значительное влияние на этот процесс оказывала политическая конъюнктура. Интересно, что несмотря на изменение ракурса исследований, исходная посылка оставалась неизменной. Вопрос об искренности реформаторских намерений Александра I по-прежнему ставился во главу угла, и его решение определяло общую направленность исторического исследования, затрагивавшего реформы начала XIX в.

Нельзя сказать, что дискуссия по этой проблематике близка к завершению. Тема по-прежнему остается актуальной, особенно в свете новых методологических подходов, связанных с современной теорией модернизации, а также из-за незавершенности конституционного и политического реформирования современной России. Подтверждением этого является публикация в № 4 журнала «Российская история» за 2009 г. статьи К.С. Чернова «Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции», в которой автор пытается доказать неконституционный, «просамодеятельный» характер всех проектов реформирования государственного строя александровского царствования и прежде всего Уставной грамоты Российской империи 1818–1820 гг.⁵ Настоящая статья является, с одной стороны, ответом на статью и монографию Чернова в русле продолжения дискуссии о сущности попыток реформ государственного строя при Александре I. С другой стороны, здесь предпринимается попытка рассмотреть проблему модернизации политической системы в России на рубеже XVIII–XIX вв. не изолированно в рамках анализа только проектов, подготовленных при Александре I, а в более широком контексте, связав ее, во-первых, с общими тенденциями развития отечественной политико-правовой мысли в предшествующий период, во-вторых, с закономерностями и тенденциями модернизации европейских монархий. Подобный подход позволит выйти на решение других важных вопросов. Что такое конституционализм как общественно-политическое течение? Каковы особенности российского конституционализма? Было ли его возникновение заимствованием с Запада в чистом виде или же имело и национальные корни? Можно ли считать конституционализм общеевропейским феноменом и закономерным вариантом модернизации европейских политических систем, включая и Россию? Наконец, проблема возникновения и развития конституционализма в России тесно связана с проблемой абсолютизма. При анализе различных вариантов модернизации политической системы в России и Европе неизбежно возникает вопрос, а что же именно подвергалось реформированию – абсолютизм или нечто иное? Другими словами, существовал ли абсолютизм как особая форма правления на самом деле или он является теоретической конструкцией, искусственно созданной учеными, политиками и т.д. Этот вопрос является основополагающим, от его решения зависит и вся последующая оценка событий, связанных с модернизацией правящих режимов в Западной Европе и России во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.

В настоящее время в западной историографии значительным влиянием пользуется направление, сторонники которого фактически отрицают реальность существования абсолютизма в европейских государствах XVII–XVIII вв. Одним из наиболее ярких представителей этого направления является английский историк Н. Хеншелл. В монографии с символическим названием «Миф абсолютизма» он подверг резкой критике классическую и, казалось бы, давно устоявшуюся концепцию, согласно которой в большинстве европейских государств во второй половине XVII–XVIII вв. господствовала абсолютная монархия, признаками которой были наличие в лице монарха жестко централизованной верховной власти, опирающейся на армию и бюрократический аппарат, сосредоточение в его руках всей полноты законодательной, исполнительной и судебной власти, ее неограниченный характер, независимое положение монарха по отношению к различным слоям общества (надсословный характер власти). Своеобразным эталоном абсолютизма считалась Франция времен Людовиков XIV, XV и XVI. Хеншелл на примере Франции этого периода пытается доказать, что ни одного из этих

признаков не было и в помине. По его мнению, у французских королей не было монополии на верховную государственную власть, которая вплоть до революции 1789 г. носила децентрализованный характер. И если Генеральные штаты на общегосударственном уровне действительно не созывались, то в провинциях продолжали существовать и активно действовать местные сословные корпорации, с мнением которых королям приходилось считаться⁶. Институт королевских интендантов, введенный при Людовике XIV и традиционно считавшийся одним из главных признаков абсолютизма, Хеншелл оценивает совершенно по-другому. С его точки зрения, интенданты – это вовсе «не управляющие от короны», а своего рода «наблюдатели», представители короля при местных корпорациях⁷. Особое внимание историк уделяет судебным и законодательным полномочиям короля. По его мнению, даже у Людовика XIV, «образцового абсолютного монарха», в полной мере этих полномочий не было. Судебные прерогативы принадлежали не столько королю, сколько парламентам в провинциях и, особенно, Парижскому парламенту, который и являлся высшей судебной инстанцией. К тому же Парижский парламент обладал правом регистрации всех законопроектов, исходящих от короля, без чего они просто не могли вступить в действие. Причем это право не было отменено вплоть до революции 1789 г. Следовательно, власть короля не являлась абсолютной и в законодательной сфере⁸. Конечный вывод Хеншелла заключается в том, что никакого абсолютизма во Франции ни при Людовике XIV, ни при его преемниках вплоть до революции не было. «Ничего нового в смысле установления монополии на власть и ослабления роли корпоративных организаций на местах Людовик XIV не создал, он всего лишь собирал воедино свои прежние полномочия (королевские прерогативы), а не претендовал на новые». Революция была направлена не против абсолютизма как принципа политики, а против тех искажений и злоупотреблений властью, которые действительно появились при преемниках Людовика XIV, за возвращение к нормам неписанной конституции, которая, по мнению Хеншелла, существовала во Франции и в XVII, и в XVIII вв. Представление же о «деспотическом абсолютизме» является одним из мифов эпохи революции, созданным революционерами для оправдания своих действий⁹.

Концепция Хеншелла является, конечно, крайней точкой зрения на проблему абсолютизма. Большинство западных историков придерживаются более «мягкой» позиции. Например, авторитетный французский исследователь Ф. Фюре не отрицает наличия признаков абсолютизма в дореволюционной Франции, но считает, что степень их развития не стоит преувеличивать. Монархия Бурбонов никогда не была абсолютной в современном значении этого слова. При этом он приводит примерно те же аргументы, что и Хеншелл, и предпочитает именовать форму правления и государственный строй дореволюционной Франции не абсолютизмом, а монархией Старого порядка¹⁰.

В 1990-х гг. у концепции «мифичности абсолютизма» в европейских государствах XVIII в. появились сторонники и в российской историографии. К ним следует отнести прежде всего специалистов по истории Франции А.В. Чудинова, Н.Е. Копосова и Л.А. Пименову. Все они придерживаются примерно той же позиции, что и Фюре: абсолютизм Бурбонов до самого конца своего существования носил, как минимум, черты незавершенности. Их аргументы напоминают построения Хеншелла и Фюре: сохранение сословных собраний на местах; огромная роль провинциальных парламентов в осуществлении не только судебной, но и законодательной власти через процедуру регистрации законов и право внесения поправок, что часто меняло их содержание до неузнаваемости; незавершенность вычленения высшей бюрократии как главной опоры королевской власти из среды магистратов верховных судов и т.д.¹¹

Что касается российского абсолютизма, то здесь складывается похожая ситуация. Ряд исследователей, например, С.И. Каспэ и Н.А. Проскурякова, высказывают мнение, что, исходя из специфики Российской империи как полиэтничного государства, об абсолютизме если и можно говорить, то только применительно к Европейской части страны, да и то не в полном объеме. В присоединенных территориях с преобладанием нерусского населения почти полностью сохранялся прежний социально-эконо-

мический и политический уклад, вплоть до родоплеменных отношений. Тем самым на национальные окраины Российской империи императорская власть распространялась совершенно не в том объеме, нежели на первоначальную территорию. Поэтому Российское имперское государство являлось скорее не абсолютистским с жестко централизованной структурой власти, а фактически децентрализованной монархией с многосоставной системой управления, которая складывалась с учетом специфики присоединяемых территорий и особенностей этнического состава населения¹².

Ситуация с проблемой реальности существования абсолютизма как формы правления осложняется еще и тем, что к ней добавляется проблема соотношения понятий «абсолютизм» и «самодержавие». Попробую высказать свое мнение по этим вопросам, исходя, прежде всего, из принципа исторического объективизма. На первый взгляд, доводы сторонников концепции мифичности абсолютизма выглядят достаточно весомыми. Однако их теоретические построения страдают одним существенным недостатком, а именно: раскритиковав основные положения классической концепции абсолютизма¹³, они фактически ничего не предложили взамен. Если абсолютной монархии не существовало, то что же было вместо нее? К сожалению, четкого ответа мы не найдем. В лучшем случае услышим о «монархии Старого порядка» (применительно к дореволюционной Франции) или «полиэтнической империи» (применительно к России). Однако понятия эти расплывчаты и неконкретны, их четкое определение отсутствует, они еще менее верифицированы, чем понятие «абсолютизм». Тем самым позитивная часть построений противников концепции абсолютизма явно нуждается в дополнительной разработке и конкретизации.

С другой стороны, возникает вопрос, а нужны ли вообще подобные обобщения и теоретические конструкции? Не легче ли просто описывать и анализировать конкретные исторические факты? На мой взгляд, подобные обобщения нужны, хотя бы в силу необходимости иметь четкое представление об объекте исследования. Как бы ни относиться к классической теории абсолютизма, нельзя не признать, что она дает определенный умозрительный инструментарий, позволяющий моделировать разные стороны исторического процесса и сравнивать однотипные исторические явления.

По моему мнению, сложность с определением понятия «абсолютизм» объясняется существующей до сих пор неопределенностью в выборе критерия для выделения главных сущностных признаков в этом понятии. Критерии предлагались и предлагаются самые разные: юридический (особая форма правления), политический (особый политический режим со специфическим механизмом принятия и реализации политических решений), социально-экономический (особый тип экономических и социальных отношений, господствующих в обществе). В результате в одно понятие вкладывается совершенно разное содержание. Моя позиция по этому вопросу такова. Термин «абсолютизм» обозначает прежде всего форму правления, т.е. особый механизм организации государственной власти, принятия и реализации политических решений, базирующийся на определенном правовом основании. Следовательно, абсолютизм относится к государственно-правовой составляющей общественного строя, т.е. является юридической категорией. Значит наиболее логичным и объективным будет определение этого понятия на основе формально-юридического критерия¹⁴.

Исходя из этого, абсолютную монархию можно определить как особую форму правления, при которой власть монарха, исходя из действующих законов, является неограниченной. Монарху принадлежит вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти, источником которой он и является. Данное определение – предельно конкретно, оно исключает двусмысленные толкования. Упор в нем делается на формально-юридическую сторону: неограниченность власти монарха по закону. Это понятие, по сути, вневременное. Любая монархия в любой исторический период, соответствующая этому критерию, может считаться абсолютной. А вот далее она наполняется конкретным историческим содержанием (социальная опора, преобладающие методы управления и т.д.). Здесь, правда, необходимо сделать существенную оговорку. Давая именно такое определение абсолютизма, я исхожу прежде всего из того, что

собой представляет монархия, так сказать, «по закону». Фактически же ситуация может быть иной. В мировой истории мы действительно вряд ли найдем пример «стопроцентной» абсолютной монархии. Монархи неизбежно подвергались воздействию со стороны гвардии, армии, придворных группировок, духовенства и т.д. Значительную роль играли и личные качества монарха, определявшие степень самостоятельности при принятии решений и полноты использования собственных полномочий.

Тем самым возникает проблема серьезного расхождения между формальным и фактическим положением дел. Но с другой стороны, любое государство функционирует в первую очередь на основе формальных законов. Именно действующее законодательство является главным регулятором общественных отношений. Поэтому и форма правления определяется именно по формально-правовому критерию, а не по фактическому положению вещей. В этой связи можно привести следующий пример. В конституциях СССР 1924 г. и 1936 г. форма правления определялась как республиканская, хотя по фактическому объему полномочий власть главы государства И.В. Сталина в 1929–1953 гг. была вполне сопоставима с властью абсолютного монарха. Тем не менее во всех научных исследованиях и учебных пособиях Советский Союз сталинского периода определяется все-таки как республика, а не монархия, так как именно республиканский статус был закреплен в конституции. Примерно так же обстоит дело и с абсолютизмом. Если в законодательстве государства провозглашается неограниченность власти монарха (или, по крайней мере, не упоминается о ее ограничении сословно-представительными или иными учреждениями), то вполне правомерно будет считать ее абсолютной. Но здесь возникает еще одна проблема. Ведь до появления первых конституций в конце XVIII в. статус и полномочия монарха в большинстве европейских государств четко не фиксировались или же были разбросаны по многочисленным правовым документам, часто второстепенного назначения. В качестве примера можно привести Россию в период правления Петра I. Статус абсолютного (самодержавного) монарха четко определяется только в одном законодательном документе явно не первостепенного значения – Воинском Уставе 1716 г., в одной из статей которого говорилось: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благонамеренно управлять»¹⁵. Но и это вполне объяснимо. Постепенно сосредоточив в своих руках всю полноту государственной власти в ходе территориального объединения и централизации управления, монархи, видимо, считали, что это само собой разумеющийся факт, не нуждающийся в каком-то специальном оформлении в виде единого законодательного акта.

Итак, с моей точки зрения, классическая концепция абсолютизма не является устаревшей. Наоборот, с учетом формально-юридического критерия она по-прежнему позволяет четко обозначить объект исследования и провести сравнение абсолютных монархий в разных государствах. При этом следует учитывать, что абсолютизм – это не какая-то застывшая теоретическая конструкция, общая для всех государств. При наличии главного общего признака (неограниченность власти монарха по закону), абсолютные монархии имели ярко выраженные региональные и национальные особенности, выражавшиеся в специфике социальной опоры, разном соотношении правовых и неправовых методов управления, степени применения прямого принуждения и личного произвола монарха, степени развитости бюрократического аппарата и т.д.

Тем самым можно констатировать, что в XVII – первой половине XVIII в. в большинстве государств Европы (Франции, Пруссии, Австрии, Пьемонте, Дании, Испании, большей части германских государств), исходя из формально-юридического критерия, господствовавшей формой правления была абсолютная монархия. Оформившиеся в XVI–XVII вв. европейские абсолютные монархии просуществовали в более или менее неизменном виде до середины XVIII в. Напомню их характерные признаки: юридически неограниченная власть монарха; опора на регулярную армию и полицейские органы, а также разветвленный бюрократический аппарат; жестко централизованная система управления и налогообложения; использование в качестве социальной опоры

одновременно и дворянства, и горожан с тенденцией к определенной самостоятельности за счет использования противоречий между ними; сохранение в почти полной неприкосновенности сословного строя, унаследованного из феодального Средневековья.

Однако использование старого арсенала методов поддержания своего господства вечно продолжаться не могло. И к середине XVIII в. в большинстве европейских абсолютистских государств (где-то чуть раньше, где-то позже) наметились кризисные явления, вскоре принявшие системный характер. К основным причинам их нарастания можно отнести резкое снижение эффективности управления из-за чрезмерного увеличения численности бюрократического аппарата и расходов на его содержание; сужение социальной опоры; рост паразитизма дворянства; усиление диспропорции между устаревшим, строго сословным феодальным законодательством и новыми, буржуазными по существу, явлениями общественной жизни; недовольство своим положением усилившегося экономически третьего сословия и его стремление участвовать в принятии политических решений; снижение поступления налогов в казну из-за роста коррупции среди чиновников; неспособность большинства монархов лично управлять государством¹⁶. Значительную роль в нарастании кризиса абсолютистских режимов сыграла и философия Просвещения, подорвавшая идеологические основы существующих режимов, объявившая их противоречащими принципу разумности государственного устройства.

Тщательный анализ политической истории ведущих европейских государств с абсолютистскими режимами второй половины XVIII в. позволяет сделать вывод о наличии четырех вариантов выхода из кризиса традиционных абсолютных монархий: «просвещенный абсолютизм», «просвещенный деспотизм», правительственный конституционализм и революция.

«Просвещенный абсолютизм» базировался на выборочном использовании рекомендаций философов-просветителей с целью модернизации государственного строя и предотвращения революционного взрыва. Основными мероприятиями политики «просвещенного абсолютизма» были попытки серьезной реорганизации судебной системы в духе рекомендаций итальянского юриста Ч. Беккариа, введение широкой веротерпимости, проведение мер по рационализации и упрощению системы управления, реформы в сфере образования (главным образом по повышению грамотности населения), меры по увеличению доходов бюджета. В ходе проведения этой политики ликвидировались наиболее устаревшие и не соответствовавшие «духу времени» институты феодального прошлого. Реформы затрагивали прежде всего сферу управления и правовую систему, в меньшей степени – сферу экономики и социальные отношения. Улучшалось положение крепостных крестьян, началась постепенная отмена крепостного права, правда, пока еще на основе принципа добровольности со стороны помещиков. В тех государствах, где подобная политика проводилась наиболее последовательно (Пруссия времен Фридриха II, Австрия в годы правления Марии Терезии, Швеция при Густаве III), опасность революционных потрясений была почти ликвидирована. Там, где она проводилась менее последовательно (Испания, Португалия, итальянские государства), опасность революций сохранилась. Позднее в этих государствах революции все же произошли, но не столько из-за внутренних противоречий, сколько в результате «экспорта революции» из Франции. «Просвещенный абсолютизм» в целом выполнил свою задачу – предотвратил или отсрочил наступление революционного взрыва. Кроме того, благодаря проведенным реформам власть абсолютного монарха не только не ослабевала, но и, наоборот, еще больше укреплялась¹⁷.

«Просвещенный деспотизм» был связан с именем австрийского императора Иосифа II (1780–1790 гг.). С одной стороны, он представлял собой радикальный вариант «просвещенного абсолютизма», а с другой – значительно отличался от него в методах проведения преобразований, их направленности, глубине и степени радикальности¹⁸. Реформы Иосифа II затрагивали основы старой общественной структуры, изменяя ее кардинальным образом (принудительная отмена крепостного права, ликвидация

привилегий дворян и сословно-представительных учреждений в провинциях, курс на сверхцентрализацию управления и т.д.). По степени радикальности они носили характер «революции сверху», приведя примерно к тем же итогам, что и «революция снизу», но без свержения политического режима. Характерной особенностью такого вида реформ являлось то, что они проводились исключительно по инициативе монарха, который часто не обращал внимания на сопротивление не только привилегированных слоев населения, но и большинства населения в целом¹⁹. Еще одним отличием от классического «просвещенного абсолютизма» стали темпы преобразований. Они не растягивались на десятилетия, а проводились быстро, в предельно краткие сроки, иногда как бы наслаиваясь друг на друга.

Тем самым можно говорить не об одном, а о двух вариантах преодоления кризиса традиционных феодальных монархий во второй половине XVIII в. – «просвещенном абсолютизме» («мягкий» вариант) и «просвещенном деспотизме» («жесткий» вариант)²⁰. Конечная цель в обоих вариантах была одна – предотвращение революции и сохранение абсолютизма в более или менее реформированном виде. Общим являлось и то, что преобразования осуществлялись (несмотря на все различия) по инициативе монархов, добровольно. Какие-либо внешние события их к этому не принуждали или почти не принуждали.

В случае промедления с реформами возникала опасность наступления самого радикального варианта выхода из государственно-правового кризиса – революционного, что и произошло во Франции в 1789 г. В ходе Великой Французской буржуазной революции сменили друг друга 4 конституции (1791, 1793, 1795 и 1799 гг.), оказавшие, как и Американская конституция 1787 г., огромное влияние на политическое и правовое развитие европейских государств последующего периода, включая и Россию (правовое закрепление прав и свобод человека, реализация принципа разделения властей и т.д.).

Под влиянием конституционного развития Франции в 1790-х гг., а также положительного и отрицательного опыта преобразований «сверху» в вариантах «просвещенного абсолютизма» и «просвещенного деспотизма» в начале XIX в. возник еще один вариант эволюции традиционных абсолютных монархий – конституционный. В отличие от вышеупомянутых вариантов инициатива в проведении реформ уже не принадлежала всецело монарху. Политические реформы, в том числе и издание конституции, проводились во многом вынужденно, под давлением общественного мнения и политических обстоятельств. Особенно активно правительственный конституционализм использовался в европейских государствах в период Реставрации (1814–1830 гг.). Результатом применения этой доктрины на практике стала эволюция абсолютной монархии в особый тип ограниченной конституционной монархии – дуалистическую монархию (значительно реже – в парламентскую), при которой власть монарха ограничивалась в минимальной степени: он всего лишь терял право единолично принимать законы, теперь он это делал совместно с народным представительством. Фактически же у монарха оставалась вся полнота исполнительной власти, большая часть законодательных полномочий (право абсолютного вето, законодательной инициативы, роспуска выборной части парламента), контроль над деятельностью судебной власти.

В монографии «Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв.» я провел сравнительный анализ 7 конституций эпохи Реставрации: Конституционной Хартии Франции 1814 г., конституции Швеции 1809 г. (с изменениями 1814–1815 гг.), конституции Норвегии 1814 г., конституции Бадена 1818 г., конституции Баварии 1818 г., конституции Португалии 1826 г. и конституции Царства Польского 1815 г.²¹ Эти страны представляют разные регионы Европы, и поэтому сравнение их конституционных документов позволило выявить как общие тенденции развития конституционно-правовой мысли того периода, так и региональные особенности, связанные со спецификой местной общественно-политической ситуации²².

Анализ текстов этих конституций позволил сделать вывод, что они составлялись по определенным образцам. Своего рода «модельными» конституциями, на которые

ориентировались авторы всех последующих конституций, являлись, на мой взгляд, две – конституция Швеции 1809 г., которая в свою очередь ориентировалась на английскую политико-правовую систему, и Конституционная Хартия Франции 1814 г. Первая послужила образцом для разработчиков конституции Норвегии 1814 г., а в будущем – конституций Дании, Голландии, Бельгии. На вторую ориентировались авторы конституций германских государств, Царства Польского и Португалии. Конечно, нельзя считать, что все последующие конституции европейских государств были всего лишь копией двух «модельных» конституций. Наоборот, в каждой из них помимо общей конструкции системы государственной власти, присущей тому или иному «модельному» типу, присутствовали самобытные черты, исходившие из местной политической и правовой ситуации и позволяющие говорить о региональных и даже национальных особенностях конституционного развития.

Так, например, для конституций германских государств специфическими особенностями являются наличие пережитков феодально-сословных отношений в избирательном праве (особенно в Баварии), а также принцип равнозначности палат ландтага, который выражался в том, что монарх мог направить законопроекты (кроме финансовых) для рассмотрения в любую из палат без всякой очередности. Для конституций скандинавских государств региональными особенностями являются преобладание в структуре государственной власти представительных органов – Риксдага и Стортинга, крайне ограниченные полномочия короля (особенно в Норвегии), значительная роль Госсовета в сфере исполнительной власти, крайне малый интерес к устройству судебной власти, а также весьма специфическое решение религиозного вопроса (фактическое отсутствие свободы вероисповеданий и статья об изгнании евреев в конституции Норвегии). Кроме того, в Норвежской конституции обращает на себя внимание особый порядок формирования верхней палаты (лагтинга) из числа депутатов нижней палаты (одельстинга).

Конституции Царства Польского 1815 г. и Португалии 1826 г. и по форме, и по содержанию похожи на более раннюю Конституционную Хартию Франции 1814 г., но и у них есть свои национальные особенности. В Польской конституции – это равнозначность палат Сейма (что напоминает скандинавские и германские конституции), сравнительно низкий избирательный ценз при выборах в палату послов; введение принципа выборности при назначении императором сенаторов (кроме лиц императорской фамилии) и министров (из двух кандидатов император выбирал одного); постоянную апелляцию к национальным чувствам поляков (наименования Царства Польского государством, сохранение польских орденов, признание польского языка государственным и языком делопроизводства и т.д.).

Спецификой конституции Португалии 1826 г. являются особое распределение законодательных полномочий между королем и кортесами; сочетание элементов дуалистической и парламентской монархии; изобретение четвертой, уравнивающей ветви власти, помимо традиционных законодательной, исполнительной и судебной; глубокая разработанность и полнота раздела о правовом статусе личности (включение в него права на социальное обеспечение и бесплатное начальное образование сравнимо по своей прогрессивности лишь с соответствующим разделом конституции Франции 1793 г.).

Таким образом, анализ конституций эпохи Реставрации позволяет сделать вывод о наличии двух моделей послереволюционного развития европейских государств: дуалистической или парламентской монархии. Выбор той или иной модели зависел от конкретной политической ситуации, исторических традиций и специфики социальной структуры в данном государстве, наконец, от степени политической активности населения. Поэтому в рамках этих двух моделей каждая из рассмотренных конституций обладает неповторимой индивидуальностью. Никакого слепого копирования «чужих» норм не происходило. Опыт предшествовавших конституций, бесспорно, учитывался и использовался, но через обязательное преломление сквозь национально-региональную специфику.

Кроме того, следует отметить, что правительственный конституционализм эпохи Реставрации был, во-первых, прямым следствием Великой Французской революции и наполеоновских войн, во-вторых, стал одним из путей выхода из кризиса традиционных абсолютных монархий. Вариант этот в отличие от «просвещенного абсолютизма» и «просвещенного деспотизма» был вынужденным. Монархам уже не принадлежала инициатива в проведении преобразований, теперь они шли за событиями, подстраиваясь под них. Правительственный конституционализм, вне всякого сомнения, представлял собой явную уступку монархов новому уровню политического, социально-экономического и духовно-культурного развития общества. В идеологическом плане он являлся своеобразным гибридом концепции «истинной монархии» Вольтера и теории разделения властей Монтескье. Основная цель этой политики – предотвращение новых революционных потрясений, обеспечение социального мира и стабильности в государстве (именно эта цель заявлена как основная в преамбулах большинства конституций), а в конечном итоге – сохранение собственной власти, пусть даже и в урезанном виде. Разница заключалась только в размере этих уступок, что в свою очередь зависело от конкретной ситуации в данном государстве. Но в любом случае конституционализм стал реальной альтернативой революционному способу изменений, а с другой стороны, объективно способствовал сохранению монархической формы правления в модернизированном виде и стабилизации, пусть и временной, общественно-политической ситуации в Европе. Таким образом, использование европейскими монархами первой четверти XIX в. доктрины конституционализма можно считать вполне логичным и закономерным явлением, вытекающим из всего предшествующего развития европейской государственности.

Осталось выяснить, что же такое конституционализм? Этимологически понятие «конституционализм» происходит от понятия «конституция» (от лат. *constitutio* – «устройство») – основного закона государства, определяющего общественное и государственное устройство, порядок и принципы образования представительных органов власти, избирательную систему, основные права и обязанности граждан²³. Таким образом, в определении понятия «конституция» основной упор делается на определение компетенции и структуры законодательной ветви власти, наличие фундаментальных законов, прав и свобод граждан. Именно эта триада обязательно должна присутствовать в любой конституции. Основное внимание в большинстве конституций уделяется именно законодательной власти, так как исполнительная и судебная существовали всегда, начиная с образования первых государств. Законодательная же власть как отдельная и независимая от других ветвей власти – явление сравнительно новое во всемирной истории, восходящее к идеологии Просвещения XVIII в. Поэтому вполне понятен повышенный интерес разработчиков конституций (особенно первых) именно к ней.

Таким образом, конституционализм можно охарактеризовать как политико-правовое течение общественной мысли, направленное на введение конституции как высшего закона государства, основанного прежде всего на трех составляющих: создание законодательной ветви власти (воплощенной в представительном органе – парламент, Национальное собрание и т.д.), отделенной от других ветвей власти и ограничивающей единовластие монарха (применительно к XVII–XVIII вв.); принятие фундаментальных законов, обязательных для всех, в том числе и для монарха, включая и избирательный закон; наконец, определение неотчуждаемых прав, свобод и обязанностей граждан.

Одной из наиболее дискуссионных и до сих пор не решенных проблем следует признать вопрос о типологии конституционализма. Из существующих (довольно малочисленных) типологий конституционализма наиболее оригинальными и обоснованными являются классификации российского исследователя А.Н. Медушевского и американского историка М. Раева. А.Н. Медушевский выделяет три основных типа конституционализма. 1. *Классический конституционализм* в английском варианте конституционной монархии, который представляет собой по существу завуалированную форму парламентской республики. Для него характерна «коалиция между

всесильным парламентом и безвластным монархом, что позволяет народному представительству осуществлять действенный контроль над правительством и всей административно-бюрократической системой»²⁴. 2. *Промежуточный*, при котором парламент и монарх имеют одинаковые prerogatives в области законодательной, а отчасти и исполнительной власти, осуществляя взаимный контроль и сдерживание. «Данный режим возникал в ряде государств Западной и Центральной Европы как результат неустойчивого исторического компромисса двух начал после крупных революционных потрясений и имел тенденцию эволюционировать в направлении укрепления монархической власти»²⁵. 3. *Монархический, или мнимый конституционализм*. Суть его заключается в сохранении монархической системы в новых условиях путем формального изменения структуры власти и формы правления без изменения ее фактической сущности. Характерной чертой мнимого конституционализма признается разрыв между конституционными гарантиями демократических прав и свобод и реальной практикой политического режима, а также тенденция к слиянию всех видов власти в одном центре, реальный приоритет исполнительной власти (в лице монарха или диктатора) над законодательной или судебной, которая используется в качестве прикрития; принятие основных политических решений вне конституционно зафиксированной процедуры; подмена открытой политической дискуссии закулисной интригой и т.д. В целом мнимый конституционализм рассматривается как особая форма авторитаризма, при которой впервые был применен принцип правового обоснования антиправовых действий. По мнению Медушевского, именно этот тип конституционализма и развивался в России со второй половины XVIII в.²⁶

Сходную типологию предлагает и М. Раев. Он выделяет два типа конституционализма: *классический западный конституционализм*, свойственный странам Западной Европы с их парламентаризмом и буржуазно-демократическими свободами, в которых политические изменения происходили органично, основываясь на соответствующем развитии экономических отношений; и *бюрократический восточный конституционализм*, свойственный странам с догоняющим развитием, при этом реформы проводятся «сверху» монархом с опорой на бюрократический аппарат, а не на общественные силы. Этот тип конституционализма, считает он, был присущ странам Центральной и Восточной Европы (Пруссия, Австрия, Россия), отстававшим от передовых стран и вынужденным ориентироваться на их исторический опыт. При этом во главу угла ставились имперские амбиции, стремление не потерять статус «великих держав». Поэтому конституционные реформы носили не органичный, а вынужденный, часто формальный характер, затрагивая только внешний фасад государства²⁷. По сути, восточный бюрократический конституционализм Раева соответствует мнимому конституционализму в концепции Медушевского.

На мой взгляд, обе эти концепции являются типологиями более политологически, чем историческими. Они позволяют дать характеристику развития конституционализма в государствах с уже существующими конституциями, но практически не применимы для анализа отдельных этапов развития конституционализма в исторической ретроспективе. Поэтому вполне логично было бы дополнить их такой типологией, в которой бы учитывалось прежде всего развитие (поступательное или иное) конституционной доктрины от прошлого к настоящему. По-моему, при определении типов конституционализма обязательно следует учитывать социальный состав участников этого движения и, главное, содержание выдвигаемых требований, т.е. идеологический компонент. На основе этих критериев (социального и идеологического) можно предложить следующую классификацию типов и основных этапов развития конституционализма.

1. *Аристократический, или олигархический конституционализм*. Господствовал в Европе с XIII до середины XVIII в. Для него характерна борьба феодальной верхушки общества за ограничение произвола монархической власти, за введение олигархической конституции, создание ограничительного органа из высшей правительственной аристократии, доступ в который будет закрыт не только представителям третьего

сословия, но и подавляющей части дворянства. Таков, например, Государственный баронский совет по английской Magna Charta Libertum. В целом аристократический конституционализм можно назвать конституционализмом лишь условно, так как ни фундаментальных законов, ни предоставления избирательных прав гражданам он, по сути, не предусматривал, зато имелось некоторое подобие определения прав личности, но права эти находились в прямой зависимости от сословной принадлежности человека. Поэтому та же Magna Charta Libertum является не конституционным документом, а лишь феодальной хартией, регламентирующей права сословий. Таким образом, в аристократическом конституционализме соблюдается лишь один принцип конституционализма классического, да и то с известной долей допущения – определение прав личности в их сословном понимании.

2. *Дворянско-просветительский конституционализм.* Господствовал в большинстве европейских стран с середины XVIII до середины XIX в. От аристократического он отличается тем, что в идеологии сторонников этого движения присутствуют все три компонента классического конституционализма: фундаментальные законы, законодательная власть в лице парламента и избирательный закон, основанный на имущественном цензе, права и обязанности всех граждан безотносительно их сословной принадлежности. Преимущество отдается дворянству как более образованному и влиятельному сословию, хотя в целом их требования выражали буржуазные интересы и объективно способствовали буржуазному развитию тех стран, в которых они действовали. Характерным отличием этого типа конституционализма является то, что во всех конституционных проектах этого времени в ограничительный орган (Совет, парламента) входят не только потомки правящей аристократии и бюрократическая элита, но и достаточно широкие круги дворянства, а затем и буржуазии на основе имущественного ценза, хотя привилегированное положение аристократии сохраняется (например, наследственная палата лордов в Англии или палата пэров во Франции по Конституционной Хартии 1814 г.).

3. *Буржуазно-демократический конституционализм* вытекает из предыдущего этапа. Изменения касаются перехода преобладающей роли в этом движении от дворянства к буржуазии, а также демократизации избирательного закона и расширения прав и свобод личности. Хронологически этот этап начинается в середине XIX в. и существует в ряде стран мира и в настоящее время. При этом следует отметить, что конституционализм едва ли можно считать каким-то реликтом прошлого. Это движение далеко не исчерпало себя, а лишь вступило в новую фазу, перейдя от борьбы за чисто внешнее, формально-атрибутивное введение конституции к борьбе за соблюдение и реальное гарантированное исполнение конституционных норм. Цель этого современного этапа конституционализма можно определить как построение истинно конституционного, правового государства, в котором конституционные нормы будут по-настоящему соблюдаться, будет действовать система гарантий, препятствующая нарушению этих норм, где, наконец, будет осуществлена фактически, а не формально идея о верховенстве власти законов над властью отдельных людей, где политические решения будут приниматься только путем конституционно зафиксированной процедуры, а не путем ее обхода или фальсификаций в рамках какого-либо узкого неформального центра власти, о чем мечтало не одно поколение конституционалистов. Разумеется, предложенная классификация не претендует на полную исчерпанность, она имеет целью лишь упростить систематизацию и анализ многочисленных конституционных проектов и конституций в Западной Европе и России, а также наметить магистральную линию их развития, прежде всего в XVIII–XIX вв.

Что касается России, то, по моему мнению, она прошла в своем государственном развитии те же этапы, что и страны Запада, пусть и с некоторым опозданием, вызванным монголо-татарским нашествием и установившимся затем игом Золотой Орды: от раннефеодальной монархии (IX–XII вв.) через период политической раздробленности к постепенному установлению сословно-представительной монархии (XV в. – первая половина XVII в.) и затем к абсолютной (самодержавной) монархии (со второй половины XVII в.). С моей точки зрения, понятия «абсолютизм» и «самодержавие» явля-

ются тождественными и обозначают особую форму правления, при которой власть монарха юридически неограниченна.

Российский абсолютизм начал формироваться во второй половине XVII в. (хотя отдельные элементы возникли еще в XVI в. во время правления Ивана Грозного и Бориса Годунова) и окончательно оформился при Петре I. При этом он существенно отличался от западноевропейского классического абсолютизма²⁸. Во-первых, у него была иная социальная опора (одно служилое дворянство, а не союз дворянства с городской буржуазией, как в Западной Европе), что объясняется иными историческими условиями его формирования. В России XVII – первой половины XVIII в. буржуазия в силу ряда причин была крайне немногочисленной и не сформировалась в отдельный класс населения с четко очерченной социальной психологией, мировоззрением и т.д. Во-вторых, соотношение правовых и неправовых методов управления было явно смещено в сторону последних. Личный произвол, деспотизм монарха был в России более ярко выражен, чем в странах Запада. Во многом это объясняется общими особенностями российского исторического процесса (преобладание деспотических тенденций в период ига Золотой Орды; изменение в связи с этим ценностных ориентаций у основной массы населения, выразившееся в постепенном формировании подданных отношений; установление крепостного права, приведшее к формированию рабской психологии у большинства населения; состояние постоянной внешней угрозы, серьезно повлиявшее на выбор методов управления и способствовавшее милитаризации всех сторон общественной жизни, превращению чрезвычайных методов военного времени в постоянные и т.д.). Хотя нельзя не отметить и реальную возможность развития России по иному альтернативному пути, связанному с демократическими традициями в период существования Древнерусского государства и Новгородской республики, общинным бытом русских крестьян и др. Однако после Смутного времени, когда неудачные попытки реализации принципа выборности монарха чуть было не привели к потере национальной независимости, цивилизационный выбор был сделан однозначно в пользу формирования сильной неограниченной власти монарха с максимальной централизацией и деспотическими чертами в управлении²⁹. Эти две основные особенности российского абсолютизма (опора только на одно дворянство и использование в основном деспотических методов управления) оказали существеннейшее влияние на дальнейший ход исторического процесса в России и предопределили иные результаты попыток реализации на российской почве западноевропейских правовых, социальных и культурных норм и ценностей.

По моему мнению, в России абсолютистский режим прошел примерно те же стадии развития, что и в Западной Европе. Отличие заключалось в том, что эти стадии оказались как бы сжатыми во времени. Поэтому промежуток между окончанием оформления абсолютизма (начало XVIII в.) и началом возникновения кризисных явлений (вторая половина XVIII в.) оказался очень небольшим. Причем кризис абсолютистской государственности в России в это время не приобрел еще столь явного характера, как в государствах Западной и Центральной Европы. Скорее можно говорить об осознании российскими монархами, начиная с Екатерины II, необходимости хотя бы частичного реформирования государственного строя в целях сведения к минимуму кризисных явлений и недопущения их перерастания в революцию, о чем предостерегали идеологи Просвещения.

К тому же положение российской монархии осложнялось еще и тем, что во второй половине XVIII в. оказался исчерпанным путь развития, намеченный реформами Петра I. Благодаря этим реформам был совершен гигантский рывок вперед, Россия за счет военных побед вошла в число «великих держав» Европы, приобрела официальный статус империи. Но какой ценой все эти успехи были достигнуты? Я склонен согласиться с точкой зрения тех ученых, которые считают петровскую модернизацию аномальной, некомплексной, представлявшей собой выборочное заимствование в основном военных технологий и некоторых управленческих институтов³⁰. Модернизация Петра I почти не затронула социокультурную и политико-правовую сферы, привела к гипер-

трофированному усилению роли государства во всех сферах жизни, бюрократизации, сопровождалась уничтожением ростков гражданского общества, без наличия которого вряд ли возможно нормальное проведение этого процесса. Резко возрос уровень эксплуатации населения добуржуазными методами. Крепостничество, наоборот, не только сохранилось, но и усилилось. Предпринимательские элементы в экономике, которые только начали зарождаться, были грубо подавлены. С другой стороны, петровская модернизация, проводившаяся почти исключительно на феодально-крепостнической основе и феодальными методами, показала эффективность (пусть и временную) мобилизации и концентрации ресурсов в руках государства. В будущем петровская модернизация стала рассматриваться многими реформаторами как образцово-показательная. В любом случае модернизация Петра I, пусть частичная и односторонняя, заложила мощный фундамент для дальнейшего развития страны. Однако преемники Петра I вплоть до Екатерины II оказались не способны в силу комплекса причин продолжить и завершить начатые Петром модернизационные процессы. Россия так и осталась на стадии переходного периода. Какое-то время государство могло развиваться на основе фундамента, заложенного реформами Петра, но не до бесконечности. К тому же западноевропейская цивилизация и в социально-экономическом, и в политическом плане сделала очередной рывок вперед. Дальнейшая эксплуатация наследия Петра I теряла всякий смысл. Чтобы сохранить имперский статус и не допустить чрезмерного отставания от Запада, необходимо было что-то предпринимать, как минимум, продолжить начатую Петром модернизацию, распространив ее на социальную и политико-правовую сферы, которые были ею либо почти не затронуты, либо затронуты крайне поверхностно. Именно эти проблемы пришлось решать во второй половине XVIII в. Екатерине II, Павлу I, а затем и Александру I, которые, на мой взгляд, в силу своих личных способностей, полученного образования, широты политического кругозора оказались соответствующими своему высокому положению (пусть иногда и полученного волею случая), способными осознать необходимость серьезных перемен, ответить на очередной «вызов» западноевропейской цивилизации. Продолжение модернизации – такова была насущнейшая потребность дальнейшего развития российского государства и общества. С началом Французской революции к ней добавилась необходимость не допустить подобных событий в самой России.

На мой взгляд, в России был вполне учтен опыт стран Западной Европы и апробированы все возможные варианты выхода из государственно-правового кризиса, кроме революционного. Вариант «просвещенного абсолютизма» был реализован во время правления Екатерины II (с некоторыми отличиями от классического европейского варианта, прежде всего в решении крестьянского вопроса). Вариант «просвещенного деспотизма» связан с именем Павла I. Этот император, в целом являясь сторонником принципов Просвещения, разработал особую систему, которая по большинству параметров напоминала политику австрийского императора Иосифа II. Ее сущность и главная идея заключалась в том, что перед императором все сословия равны и имеют одинаковые права. Павел отказался от всякой мысли о введении представительных учреждений, считая их вредными и противоречащими идее «общего блага». Все должно быть подчинено идее служения государству без всяких уступок и сословных привилегий – таков был главный принцип царствования Павла I. И именно император, руководствуясь идеями общего блага и Просвещения, должен принять такие меры, которые бы предотвратили появление предпосылок для революции, подобной французской. Развивая этот принцип, Павел реализовывал идею сверхцентрализации управления. Ликвидировав ряд дворянских привилегий и проявив крайнее непостоянство и непоследовательность в сословной политике и подборе чиновников, император вызвал резкое недовольство аристократической верхушки дворянства, что и привело к дворцовому перевороту 11 марта 1801 г.

Пришедший к власти Александр I столкнулся с теми же проблемами, что и его отец. Главную из них новый император, напуганный революционными событиями в Европе, судя по всему, видел в том, как избежать повторения их в России.

Тем более что в России сохранялось крепостное право в самых крайних его проявлениях. Александру I досталось очень сложное наследство. Кризисные явления не только не были преодолены, но еще и осложнились необходимостью ликвидировать негативные последствия правления Павла I (дезорганизация управления, стремление части дворянства ограничить власть монарха фундаментальными законами и предотвратить деспотические злоупотребления властью в будущем). При этом огромную роль в выборе дальнейшего направления внутривластного и внешнеполитического развития страны сыграли мировоззрение и личные взгляды Александра I. Многочисленные свидетельства современников, а также высказывания самого Александра в личных письмах и конфиденциальных беседах, не предназначенных для официальной публикации, позволяют с большой долей уверенности считать его сторонником концепции «истинной монархии» и доктрины конституционализма³¹. Причем обращение молодого императора к конституционным идеям выглядит вполне закономерным явлением. Во-первых, учитывая то, что в Западной Европе главной тенденцией политического и правового развития стал постепенный переход от абсолютизма к конституционным формам правления (особенно ускорившийся во время и после Великой Французской революции), этот процесс неминуемо должен был затронуть и Россию. Александр I, получивший благодаря своему наставнику Ф.Ц. Лагарпу европейское образование в духе идеалов Просвещения, не мог не знать об этих тенденциях. Во-вторых, к тому времени конституционные идеи активно культивировались и развивались и в самой России. Достаточно вспомнить кондиции «верховников» 1730 г.³², проект фундаментальных законов П.И. Шувалова 1754 г.³³, конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина³⁴, ограничительные проекты участников заговора 11 марта 1801 г.³⁵ и проект канцлера А.А. Безбородко «О потребностях империи Российской» 1799 г.³⁶

Таким образом, конституционные идеи не были всего лишь чистым заимствованием с Запада. Они имели и отечественные корни, восходившие к демократическим традициям народных собраний Древнерусского государства, Новгородской и Псковской республик, ограничительным тенденциям в период Смутного времени и деятельности Земских соборов первой половины XVII в. Конституционные идеи в России начали развиваться позже, чем в Западной Европе, однако в своем развитии прошли те же этапы: от аристократического (проект верховников 1730 г., первый проект Н.И. Панина 1762 г., предусматривавшие ограничение власти монарха узким кругом придворной аристократии) до дворянско-просветительского и буржуазно-демократического конституционализма. Водоразделом между двумя первыми этапами стал конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина 1770–1780-х гг., впервые в российской практике предусматривавший введение элементов дворянского, а не только аристократического представительства. Тем самым в начале XIX в. общий вектор развития европейской и российской государственности совпал с вектором развития российской оппозиционной общественной мысли (конституционализм «снизу»). Уникальность ситуации заключалась в том, что носителем доктрины конституционализма оказался сам монарх, к тому же осознававший необходимость модернизации всех сторон государственной и общественной жизни. Поэтому конституционная альтернатива оказалась не только теоретически возможной, но и вполне реальной для практического воплощения на самом высоком уровне. Следует также отметить, что если предшественники Александра I (Екатерина II и Павел I) в своих попытках модернизации абсолютизма не были оригинальны и в основном следовали за событиями, используя уже готовые рецепты «просвещенного абсолютизма» или «просвещенного деспотизма», к тому моменту с разной степенью успешности апробированные на Западе, то Александр I оказался, по сути, одним из творцов новой системы правительственного конституционализма, активно применявшейся европейскими монархами в период Реставрации. Это особенно заметно при анализе внешнеполитического курса Российской империи первой четверти XIX в., в котором одним из главных направлений была политика «конституционной дипломатии», проводившаяся в 1801–1820 гг. (конституции Ионических островов 1803 г. и 1806 г., предоставление автономии Финляндии фактически с конституционными

гарантиями в 1809–1810 гг., принятие Конституционной Хартии Царства Польского 1814 г., поощрение введения умеренных конституций в освобожденных от Наполеона странах как гарантии от повторения новых революций). Причем многие конституции эпохи Реставрации разрабатывались по инициативе и при прямом участии Александра I и его ближайшего окружения (например, Конституционные Хартии Франции 1814 г. и Царства Польского 1815 г.)³⁷.

На внутривластной арене ситуация складывалась по-иному. В 1801–1820-х гг. по прямому указанию императора было разработано как минимум 4 проекта, которые в той или иной мере можно назвать конституционными: проект Жалованной грамоты российскому народу 1801 г., готовившийся к торжественной коронации Александра I и представлявший собой своеобразную Декларацию прав и введение к будущей конституции³⁸; проект реформы органов исполнительной власти А. Чарторыйского 1802 г.³⁹, на основе которого была проведена министерская реформа; проект Сперанского 1809 г.⁴⁰; Уставная грамота Российской империи 1818–1820 гг.⁴¹ Однако все они (кроме проекта А. Чарторыйского, да и то не в полной мере) на практике реализованы не были.

Прежде чем проанализировать причины нереализованности этих проектов, остановлюсь на вопросе об их сущности. Как упоминалось выше, в последнее время появилось несколько работ, в которых фактически возрождается концепция «заигрывания с либерализмом»⁴². Проекты Александровского царствования и прежде всего Уставная грамота 1818–1820 гг. оцениваются не как конституционные, а всего лишь как проекты административной реформы, завершающей процесс «институционализации абсолютизма». Однако, на мой взгляд, все эти проекты с полным основанием можно считать конституционными⁴³. Во-первых, проект Жалованной грамоты российскому народу 1801 г. в процессе работы над ним постоянно видоизменялся. В первоначальной редакции («пункты Воронцова» из 20 статей) он не шел далее подтверждения положений Жалованных грамот дворянству и городам. Поэтому можно вполне согласиться с мнением М.М. Сафонова и К.С. Чернова, трактующих первоначальный проект А.Р. Воронцова как «феодальную Хартию», закрепляющую привилегии сословий, присущих феодальному обществу⁴⁴. Однако в ходе обсуждения в Негласном комитете появились новые редакции этого документа из 28, 25, и 26 статей (окончательный вариант), серьезно отличавшиеся от первоначального проекта Воронцова и приобретшие совершенно иной общесословный характер (замена слова «помещик» на «владелец» (ст. 9), провозглашение охраны личной собственности всего населения, а не только дворянства (ст. 7), провозглашение некоторых прав и свобод для всех «российских подданных» (ст. 8) и т.д.), что позволяет с полным основанием считать его прообразом введения к будущей конституции, рассчитанным на все население России, включая и крепостных.

Во-вторых, проект Сперанского 1809 г. и особенно проект Уставной грамоты Российской империи 1818–1820 гг. отвечают всем требованиям, предъявляемым к конституционным документам. В них присутствуют изложение основополагающих принципов общественного строя данного государства; перечень основных прав и свобод личности; общая структура законодательных, исполнительных и судебных органов власти, принципы их функционирования и взаимодействия. И если проект Сперанского еще можно считать черновым наброском конституционного проекта, так как в нем отсутствует постатейное распределение законодательного материала, то Уставная грамота полностью соответствует всем этим критериям и является типичным проектом конституции, полностью подготовленным к публикации. Можно спорить по поводу формы правления или формы государственного устройства, которые могли установиться в России в случае реализации грамоты, но не признавать Уставную грамоту конституцией означает, на мой взгляд, не признавать очевидный факт.

В-третьих, и по структуре, и по содержанию обнаруживается явное сходство Уставной грамоты 1818–1820 гг. с европейскими конституциями эпохи Реставрации, например: Конституционной Хартией Франции 1814 г., конституцией Баварии 1818 г., и особенно с Конституционной Хартией Царства Польского 1815 г., что, впрочем, не

удивительно, так как в подготовке этих документов в большей или в меньшей степени участвовал сам Александр I. Их конституционный характер никем не оспаривается, следовательно, и Уставная грамота является проектом именно конституции, а не чего-то иного.

В-четвертых, до сих пор дискуссионным остается вопрос, в какой степени ограничивалась власть монарха по Уставной грамоте и ограничивалась ли она вообще, что напрямую связано с вопросом о конституционности всего документа. Ответить на вопрос, какая форма правления устанавливалась в Уставной грамоте, в общем-то, не так уж и сложно. Достаточно выяснить, мог ли император единолично принимать законы. Согласно ст. 91, в России вводилось «народное представительство» (в русскоязычном варианте второй редакции используется именно такой термин) в лице Государственного сейма, состоящего из императора и двух палат: Сената и Посольской палаты⁴⁵. Процедура законотворческой деятельности определяется прежде всего в ст. 103, 104, 106, 115. В них указывается, что наместнические сеймы и Общий государственный сейм получают законопроекты «по повелению государя» через Государственный совет или наместнические советы для их «рассуждения», «рассмотрения» и «уважения». Если по поводу первых двух терминов все предельно ясно, то относительно термина «уважить» (кстати, тот же термин использует и Сперанский в своем проекте) среди исследователей Уставной грамоты нет единого мнения. Чернов считает, что, по сути, термин «уважить» является всего лишь синонимом слова «обсудить», т.е. получается, что сеймы обладали только совещательными функциями⁴⁶. Я полагаю, что «уважить» означает «принять», так как, исходя из контекста, напрашивается вывод о маловероятности одновременного использования авторами грамоты терминов «рассудить» и «обсудить», означающих одно и то же. Тогда получается, что император не мог единолично принимать законы и должен был вначале направлять их в представительные органы, следовательно, перед нами пример дуалистической, а не абсолютной монархии. Но в любом случае статьи грамоты о полномочиях сеймов сформулированы крайне размыто и неконкретно, что и предоставляет пищу для их различного толкования. Предположения здесь можно высказывать самые разные. Может быть, это просто недостаток юридической техники. Но вполне возможно, двусмысленность статей грамоты о полномочиях народного представительства была намеренно внесена авторами проекта. Не исключено, что Александр I был не уверен, какую позицию займет народное представительство по ряду наиболее важных вопросов (например, по вопросу о крепостном праве), и специально оставлял лазейку для иного истолкования полномочий парламента. Источников, позволивших бы полностью решить этот вопрос, в распоряжении исследователей пока нет⁴⁷.

Оценивая Уставную грамоту, нельзя не отметить ее схожесть с западноевропейскими конституциями того времени. По структуре государственной власти наибольшее сходство прослеживается с конституциями Франции 1814 г., Польши 1815 г., Баварии и Бадена 1818 г. Как и в этих государствах, Россия, согласно Уставной грамоте, должна была стать конституционной дуалистической монархией с огромными полномочиями императора во всех ветвях власти, но без права единоличного принятия законов. В сфере избирательного права Уставная грамота ближе к германским конституциям и к конституции Польши 1815 г., в которых буржуазный принцип имущественного ценза соединен с элементами сословности. Отличия от этих конституций крайне незначительны и заключаются лишь в отдельных нюансах. При этом принцип многоступенчатости выборов, как и в проекте Сперанского, явно восходит к наполеоновской конституции Франции 1799 г.

Таким образом, Уставная грамота 1818 г. – типичный образец умеренно-либеральной конституции европейской модели, вобравший в себя все достижения и опыт мировой конституционной мысли начала XIX в. Но при этом она была абсолютно самостоятельным документом с учетом чисто российской специфики. Ни о каком слепом подражании западноевропейскому конституционализму говорить не приходится. Заимствования (в основном смысловые) имели место, но они носили

творческий характер применительно к конкретным российским условиям. Некоторые же моменты были вообще новыми, не имевшими аналогов в западноевропейских конституциях. Речь идет прежде всего о структуре местного управления, введении в него элементов федерализма.

Итак, использование Александром I идей конституционализма как основы для проведения политико-правовой модернизации Российской империи было вполне закономерным явлением, проистекавшим из предшествовавшего развития как европейской, так и отечественной государственности и общественной мысли, а также личных взглядов императора. В 1801–1820 гг. доктрина конституционализма активно применялась как во внутренней, так и особенно во внешней политике (политика «конституционной дипломатии»). Однако в силу ряда причин конституционная альтернатива в самой России оказалась нереализованной. Каковы же были эти причины?

На первое место следует поставить особенности социально-экономических отношений (господство крепостничества) и социальной структуры российского общества того времени (полное политическое и имущественное преобладание дворянства), коренным образом отличавшиеся от государств Западной Европы. Учитывая, что Александр I поставил перед собой задачу одновременного проведения политических (введение конституции) и социальных (постепенная отмена крепостного права) преобразований, возникала крайне сложная ситуация, так как одно противоречило другому. Введение конституции предполагало создание парламента, большинство в котором, исходя из особенностей социальной структуры российского общества того времени, неизбежно получило бы дворянство, настроенное прокрепостнически. В этом Александр I имел возможность убедиться еще в мае 1801 г., когда попытался провести через Непременный совет указ о запрете продажи крестьян без земли и получил жесткий отпор. В результате любой законопроект, хоть как-то касавшийся вопроса о крепостном праве, был бы неминуемо заблокирован дворянским большинством. Получилось, что в специфических условиях России то, что мыслилось как огромное благо (конституция, народное представительство), могло принести огромный вред и окончательно законсервировать крепостное право. Во-вторых, преобладание субъективных причин реформ (личные взгляды императора и его ближайшего окружения) над объективными (которых почти не было, кроме разве что опосредованного влияния событий Французской революции) изначально ставило успех задуманных реформ под сомнение. Широкая социальная база реформ отсутствовала. Основная часть дворянства реформаторские попытки Александра I не поддержала (особенно в крестьянском вопросе). Даже бюрократическая элита за редким исключением еще не осознала необходимости поступиться частью сословных привилегий ради общегосударственных интересов, как это произошло накануне «великих реформ» Александра II. В результате Александр I оказался, по сути, в одиночестве, что и предопределило общий итог задуманных преобразований. В-третьих, успеху проведения реформ в начале XIX в. не способствовала международная обстановка. Во время разработки проекта Сперанского Россия готовилась к очередной войне с наполеоновской Францией, и временное ослабление центральной власти было совсем не к месту. В 1820 г. когда император был почти готов подписать проект Уставной грамоты, в Европе началась новая революционная волна (революции в Испании, итальянских государствах и др.), показавшая, что умеренные конституции не могут полностью предотвратить возможность повторения новых революций. В-четвертых, в России в рассматриваемый период отсутствовали технологии проведения конституционных реформ. Хотя нельзя не отметить, что в 1801–1820 гг. шел целенаправленный поиск таких технологий. Они сознательно отработывались Александром I и его окружением, среди которого особое место занимал И. Каподистрия⁴⁸, в ряде регионов империи и за ее пределами – в Финляндии, Польше, на Ионических островах и др. В-пятых, сыграл свою роль и субъективный фактор, т.е. личные особенности Александра I, который был не очень решительным, склонным к колебаниям человеком. И чем больше он колебался, тем менее был уверен в правильности выбранного курса.

Наверное, шанс реализовать конституционную альтернативу в первой четверти XIX в. все-таки был. Но для этого требовался лидер уровня и характера Петра I, который всегда доводил задуманное до конца, корректируя по ходу негативные моменты. Но Александр I не обладал петровским характером и энергией. Боязнь навредить стране и будущим поколениям, понимание того, что то, что хорошо на Западе, в России не работает и может привести к противоположным последствиям (конституция, парламент) перевесили все остальное. Риск показался Александру I слишком большим и ни один конституционный проект не был реализован.

Таково мое видение проблем реформирования российской государственности в первой четверти XIX в. Тема эта отнюдь не исчерпана и имеет значительные перспективы для дальнейшего изучения. До сих пор слабоизученным является вопрос о соотношении конституционализма и масонства. Значительный интерес может представлять социокультурный аспект проникновения конституционных идей в Россию, а именно: как происходил процесс трансляции и восприятия этих идей в разных слоях общества (дворянской элиты); было ли это чистое заимствование или же западноевропейские конституционно-правовые ценности наложились на местную социокультурную и правовую традицию; насколько различалось понимание смысла этих идей у представителей разных слоев дворянской элиты того времени; какие цели преследовали субъекты этого процесса на разных его этапах. Наконец, можно продолжить сравнительный анализ российского и зарубежного конституционализма, дополнив его изучением конституционных экспериментов в странах, стоящих за пределами Европы, прежде всего молодых государствах Латинской Америки, где в 1820-х гг. после обретения независимости конституционные процессы шли со значительной интенсивностью. Я надеюсь, что моя работа будет способствовать возрождению интереса к одной из наиболее важных проблем отечественной истории, возобновлению дискуссии по вопросам развития европейского и российского конституционализма и модернизации российского абсолютизма.

Примечания

¹ Данная концепция впервые была сформулирована в трудах историка охранительного направления Н.К. Шильдера (*Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 1–4. СПб., 1897–1898).

² *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900.

³ К наиболее ярким и последовательным сторонникам концепции «заигрывания с либерализмом» можно отнести, помимо Шильдера, С.Б. Окуня, М.В. Нечкину, М.М. Сафонова (*Окунь С.Б.* История СССР (1796–1825): Курс лекций. Л., 1947; *он же.* Очерки истории СССР. Конец XVIII – первая четверть XIX вв. Л., 1976; *Нечкина М.В.* Декабристы. Т. 1. М., 1955; *она же.* Движение декабристов. М., 1983; *Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988).

⁴ Сторонниками концепции «приспособления» являлись А.Е. Пресняков, А.В. Предтеченский (с некоторыми нюансами), Н.В. Минаева, С.В. Мироненко (*Пресняков А.Е.* Александр I. Пг., 1924; *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М., 1957; *Минаева Н.В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982; *она же.* Век Пушкина. М., 2007; *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; *он же.* Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990).

⁵ *Чернов К.С.* Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции // Российская история. 2009. № 4. С. 23–37; *он же.* Забытая конституция «Уставная грамота Российской империи». М., 2007.

⁶ *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. СПб., 2003. С. 16–17.

⁷ Там же. С. 53–54.

⁸ Там же. С. 65–66.

⁹ Там же. С. 79–80, 107–109.

¹⁰ *Фюре Ф.* Постигание Французской революции. СПб., 1998.

¹¹ См., например: *Чудинов А.В.* Смена веков: 200-летие революции и российская историография // Французский ежегодник 2000 г. 200 лет Французской революции 1789–1799 гг. Итоги юбилея. М., 2000. С. 5–23; *он же.* Королевское самодержавие во Франции: история одного мифа // Французский ежегодник 2005 г. Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева. М., 2005. С. 259–293; *Копосов Н.Е.* Высшая бюрократия во Франции XVII в. Л., 1990; *Пименова Л.А.* Французское дворянство от Старого порядка к революции в советской историографии // Французский ежегодник 2007 г. Советская и Французская историография в зеркальном отражении. 20-е – 80-е гг. XX в. М., 2007. С. 172–194.

¹² *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001; *Проскуракова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; *она же.* Политическая модернизация империи с политическим населением // Россия–СССР–СНГ: от единства к распаду. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. РУДН. 18–19 мая 2006. М., 2006. С. 108–120; *она же.* Модели российской цивилизации и модернизации в западном и отечественном общественном сознании // XIX век в истории России: современные концепции истории России и их музейные интерпретации. Труды ГИМ. Вып. 163. М., 2007. С. 38–68.

¹³ К наиболее ярким представителям классической теории западноевропейского абсолютизма можно отнести во французской историографии А. Матьеза и А. Олара, в российской – Н.И. Кареева и Е.В. Тарле, в советской – А.З. Манфреда и В.Г. Ревуненкова (*Матьез А.* Французская революция. Т. 1–3. М., 1925–1930; *Олар А.* Политическая история Французской революции. М., 1938; *Кареев Н.И.* Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «Старого порядка». СПб., 1908; *он же.* История Западной Европы в Новое время. Т. 3. История XVIII века. СПб., 1899; *Тарле Е.В.* Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. М., СПб., 1906; *Манфред А.З.* Великая Французская революция. М., 1983; *Ревуненков В.Г.* История Французской революции. СПб., 2003). Своеобразной квинтэссенцией классической теории абсолютизма можно считать следующие слова Н.И. Кареева: «“Старые порядки” – это соединение социального феодализма Средних веков с абсолютной монархией Нового времени... т.е. соединение политического абсолютизма с социальными привилегиями» (*Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. Т. 3. С. 18–19).

¹⁴ Формально-юридический критерий при определении абсолютизма применялся еще во второй половине XIX в. представителями государственно-правовой школы в отечественной историографии. См., например: *Кавелин К.Д.* Начала русского государственного права // Собрание сочинений. Т. 7. СПб., 1901; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1893; *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Т. 1–2. М., 1896; *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. СПб., 1903; *Вернадский Г.В.* Очерк истории права русского государства XVIII–XIX вв. (период империи). Прага, 1924.

¹⁵ Воинский устав 30 марта 1716 г. // ПСЗ-1. Т. 5. № 3006.

¹⁶ Более подробно о причинах кризиса абсолютных монархий см.: *Захаров В.Ю.* Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-й половине XVIII – 1-й четверти XIX вв. Ч. I. М., 2008. С. 137–140.

¹⁷ Именно в этом, на мой взгляд, заключается причина особой популярности идеологии Просвещения среди коронованных особ Европы в 1760–1780-х гг., вошедших в историю как годы «союза монархов и философов». Видимо, подкупала и строгая логичность, рационализм построений просветителей, постоянная апелляция к разуму монархов, их боязни потерять власть. Помимо упомянутых монархов значительную реформаторскую активность проявили также герцог Петр Леопольд в Тоскане, испанский король Карл III (1759–1788 гг.), португальский король Жозе I (1750–1777 гг.).

¹⁸ См., например: *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. Т. 3; *Сорель А.* Европа и Французская революция. СПб., 1892; *Митрофанов П.П.* Политическая деятельность Иосифа II: ее сторонники и враги (1780–90 гг.). СПб., 1907; *он же.* История Австрии с древнейших времен до 1792 г. М., 2003 (репринт).

¹⁹ Подробный обзор мероприятий внутренней политики Иосифа II см.: *Митрофанов П.П.* Политическая деятельность Иосифа II... С. 73–102; 604–676; 725–765; *он же.* История Австрии с древнейших времен до 1792 г. С. 118–140; *Захаров В.Ю.* Указ. соч. С. 144–154.

²⁰ По моему мнению, к «жесткому» варианту реформирования абсолютизма можно отнести также и реформы И. Струэнзе в Дании (1770–1772 гг.) – первого министра при душевнобольном короле. Была введена свобода печати, независимость суда, свобода торговли, началась постепенная отмена крепостного права. Причем все это делалось вопреки мнению придворной

аристократии и большинства дворянства, что сближает реформы Струэнзе с реформами Иосифа II. См.: *Коган М.А.* Просвещенный абсолютизм в Дании: реформы Струэнзе. Л., 1972.

²¹ Современные конституции / Под ред. В.М. Гессена и Б.Э. Нольде. Т. 1. СПб., 1907. С. 45–76 (Конституция Баварии 1818 г.). С. 93–114 (Конституция герцогства Баденского 1818 г.). С. 321–350 (Конституция Норвегии 1814 г.). С. 353–382 (Конституция Португалии 1826 г.). С. 528–561 (Конституция Швеции 1809 г.); Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957. С. 438–446 (Конституционная Хартия Франции 1814 г.); Конституционная Хартия 1815 г. и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881 гг.) / Под ред. Ш. Ашкенази. СПб., 1907. С. 41–63.

²² *Захаров В.Ю.* Указ. соч. С. 234–349.

²³ Термин «конституция» как особый учредительный документ активно использовался в масонских ложах. Именно так назывался сборник уставных документов английских масонских лож, подготовленный и официально опубликованный Дж. Андерсоном в 1723 г. Вообще между масонством и конституционализмом прослеживается вполне определенная связь, заключающаяся, например, в том, что большинство сторонников конституционализма в Европе, Америке и России в XVIII – первой половине XIX в. параллельно являлись активными членами масонских лож (*Харитонович Д.Э.* Масонство. М., 2001. С. 62–78; История масонства. Смоленск, 2003. С. 98–105; *Захаров В.Ю.* Указ. соч. С. 59–126).

²⁴ *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 172.

²⁵ Там же. С. 173.

²⁶ Там же. С. 173, 202–206.

²⁷ *Raeff M.* Plans for Political Reform in Imperial Russia. 1732–1905. New-Jersey, 1966. P. 23–104.

²⁸ Вопрос о сущности и особенностях российского абсолютизма оказался в центре внимания дискуссии, которая велась на страницах ведущих исторических изданий на рубеже 1960–1970-х гг. Она носила во многом схоластический характер и в основном сводилась к комментированию высказываний К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина (часто весьма неоднозначных и противоречивых) по данному вопросу. Тем не менее дискуссия в целом оказалась достаточно плодотворной. В научный оборот был введен значительный массив новых источников, определены основные подходы к выявлению социальной и политической сущности российского самодержавия, этапов его становления и развития. Мнения участников дискуссии по поводу природы российской неограниченной монархии разделились. Большинство ученых во главе с Н.П. Павловой-Сильванской и А.Н. Чистозвоновым доказывали наличие в российском самодержавии признаков восточной деспотии, ссылаясь прежде всего на ряд высказываний К. Маркса, Ф. Энгельса и Г.В. Плеханова. Примерно такой же позиции придерживался А.Я. Аврех. Однако большинство ученых (А.Л. Шапиро, Н.И. Павленко, А.Н. Сахаров, А.М. Давидович, Ю.Ю. Титов и др.) эту позицию не поддержали. Они доказывали, что Маркс имел в виду не разные типы абсолютизма, а региональные особенности абсолютной монархии как единой формы правления. По их мнению, Россия прошла те же этапы в становлении монархии, что и страны Западной Европы. Другое дело, что из-за влияния монголо-татарского ига Россия, во-первых, стадильно отстала от передовых стран Западной Европы, как в социально-экономическом, так и в политическом плане, превратившись в страну догоняющего развития, во-вторых, длительная зависимость от Золотой Орды способствовала восприятию многих черт восточной политической системы (незначительная роль права в управлении страной, преобладание личного произвола правителя и т.д.). В любом случае, представители обоих подходов пришли к выводу, что российский абсолютизм имел ряд особенностей, отличавших его от западноевропейского абсолютизма (иная социальная база и преобладание неправовых средств осуществления власти). См.: *Чистозвонов А.Н.* Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62; *он же.* К дискуссии об абсолютизме в России // История СССР. 1971. № 3. С. 72–76; *Аврех А.Я.* Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104; *Шапиро А.Л.* Об абсолютизме в России // История СССР. 1968. № 5. С. 69–82; *Давидович А.М., Покровский С.А.* О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма // История СССР. 1969. № 1. С. 58–78; *Троицкий С.М.* О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России // История СССР. 1969. № 3. С. 130–149; *Волков М.Я.* О становлении абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 1; *Павленко Н.И.* К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 4; *Сахаров А.Н.* Исторические факторы образования русского абсолютизма // История СССР. 1971.

№ 1. С. 110–126; *Титов Ю.Ю.* Абсолютизм в России // Советское государство и право. 1973. № 1. С. 107–112.

²⁹ Более подробно рассуждения автора об особенностях российского абсолютизма см.: *Захаров В.Ю.* Указ. соч. С. 128–136.

³⁰ *Хорос В.Г.* Восток–Запад–Россия: мировые цивилизации и современность // Восток–Запад–Россия. Сборник статей к 70-летию Н.А. Симония. М., 2002. С. 36–66; *он же.* Русская история в сравнительном освещении. Учебное пособие. М., 1996; *Кастэ С.И.* Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 85–135.

³¹ О приверженности юного Александра конституционным и даже республиканским взглядам свидетельствуют, например, его неоднократные высказывания в беседах с А. Чарторыйским, а также в письмах к В. Кочубею (например, от 10 мая 1796 г.) и Ф. Лагарпу (например, от 27 октября 1797 г.). См.: Секретные бумаги, найденные в кабинете императора Александра Павловича (РГАДА, оп. 1, ф. 10, № 700, л. 1–6); Конституционные проекты эпохи Александра I. СПб., 1907. С. 67–73; *Чарторыйский А.* Мемуары кн. А. Чарторыйского и его переписка с Александром I. Т. 1. СПб., 1912. С. 34–35; *Сафонов М.М.* Указ. соч. С. 62–63; *Троцкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 55, 62–64; *Чулков Г.И.* Императоры: психологические портреты. М., 1991. С. 69–70. Примечательно также то, что Александр I не отказался от конституционных взглядов и в более поздний период, о чем свидетельствуют его высказывания в письмах к герцогу Ришелье и русскому посланнику в Париже Поццо ди Борго (апрель 1816 г.), в беседах с бароном де Витролем и Жерменой де Сталь в 1814 г. См.: Сборник Русского исторического общества (далее – Сборник РИО). Т. 54. СПб., 1886. С. 473, 530–531; *Vitrolles de.* Memoires et relations politiques de baron de Vitrolles. Т. 1. Р., 1884. Р. 119; *Сталь Жермена де.* Десять лет в изгнании. М., 2003. С. 225; *Киселева Е.В.* Александр I и Реставрация Бурбонов во Франции // Россия и Европа. Дипломатия и культура. Вып. 1. М., 1995. С. 63–78; *Парсамов В.С.* Декабристы и французский либерализм. М., 2001. С. 26–29.

³² *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 17–18.

³³ *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века // Борьба за власть: страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С. 101–103; *Шмидт С.О.* Проект П.И. Шувалова 1754 г. // Исторический архив. 1962. № 6. С. 110–118.

³⁴ Конституционный проект Н.И. Панина–Д.И. Фонвизина (опубликован в трех вариантах: *Фонвизин Д.И.* Рассуждение о неперменных государственных законах // *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений. Т. II. М.; Л., 1959. С. 254–267; Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных. Блаженной памяти к государю императору Павлу Петровичу // *Шумигорский Е.С.* Император Павел I: жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 1–XXXV; *Пигарев К.В.* Рассуждение о неперменных государственных законах Д.И. Фонвизина в переработке Никиты Муравьева // Литературное наследство. Т. 60. Ч. 2. М., 1959. С. 345–362).

³⁵ См.: *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1986. С. 192–194; *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. II. Иркутск, 1982. С. 145–199.

³⁶ Сборник РИО. Т. 29. СПб., 1880. С. 643–646; *Григорович В.* Канцлер А.А. Безбородко в связи с событиями его времени. Т. II. СПб., 1880; *Грацианский П.С.* Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. С. 79–83. Тексты всех вышеперечисленных проектов реформирования государственного строя опубликованы также в сборнике Института российской истории РАН «Конституционные проекты в России. XVIII – начало XIX в.» (М., 2000. С. 167–310). См. также: *Минаева Н.В.* Потаенная русская конституция. М., 2010. С. 11–20; *Захаров В.Ю.* Указ. соч. С. 3–77.

³⁷ Более подробно о политике «конституционной дипломатии» см.: *Ашкенази Ш.* Царство Польское (1815–1830 гг.). М., 1915; *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX вв. Политика России в Ионической республике. 1798–1807. М., 1976; *Кяйвяряйнен И.И.* О конституционной политике царизма в Финляндии в первый период автономии // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1977; *Киселева Е.В.* Александр I и Реставрация Бурбонов во Франции. С. 63–78; *Захаров В.Ю.* Указ. соч. С. 470–493.

³⁸ На данный момент известны четыре редакции этого документа: первая – проект А.Р. Воронцова из 20 статей, представленный двумя рукописями на русском и французском языках (Архив Санкт-Петербургского института истории РАН, ф. 36, оп. 1, д. 400, л. 210–215, опубликовано: *Радищев А.Н.* Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 77–81; РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 149, л. 1–27, опубликовано в приложении к Русскому архиву (1908, № 6) и в Сборнике исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии); вторая редакция из 28 статей, появившаяся после обсуждения проекта Воронцова

в Негласном комитете (РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 123, л. 4–19 об., опубликовано: *Семенников В.П.* Радищев: очерки и исследования. М.; Пг., 1923. С. 432–443); третья редакция из 25 статей сохранилась среди бумаг Сперанского, переданных К.Г. Репинским Публичной библиотеке (ОР РНБ, ф. 637, оп. 1, д. 922, л. 1–18. См. также: *Минаева Н.В.* Указ. соч. С. 47–48; *Сафонов М.М., Филиппова Э.Н.* Журналы Непременного совета // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XI. Л., 1979. С. 147–149); четвертая предполагаемая редакция из 26 статей, видимо, возникла в результате обсуждения ряда положений проекта в Непременном Совете и последовавших за этим двух вставок, выполненных главой его канцелярии Трошинским (ОР РНБ, ф. 637, оп. 1, д. 922, л. 1–18). О соотношении редакций грамоты см.: *Сафонов М.М.* Указ. соч. С. 165–171; *Захаров В.Ю.* «Всемиловейшая Жалованная грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII – начале XIX вв. М., 2002. С. 103–113.

³⁹ РГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 14, л. 57; *Сафонов М.М.* Указ. соч. С. 195–197; *Захаров В.Ю.* «Всемиловейшая Жалованная грамота российскому народу»... С. 120–122.

⁴⁰ *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 144–221. См. также: План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 2004. С. 5–67.

⁴¹ РГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 504, л. 1–44 об. Опубликовано: *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 4. СПб., 1898. С. 499–526; Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2000. С. 411–453.

⁴² *Чернов К.С.* Забытая конституция «Уставная грамота Российской империи»; *он же.* Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции.

⁴³ Подробнее см.: *Захаров В.Ю.* Рецензия на монографию К.С. Чернова «Забытая конституция “Государственная Уставная грамота Российской империи”» // Отечественная история. 2008. № 4. С. 190–195.

⁴⁴ *Сафонов М.М.* Указ. соч. С. 140; *Чернов К.С.* Забытая конституция «Уставная грамота Российской империи». С. 8–9.

⁴⁵ Здесь и далее используется текст Уставной грамоты, опубликованный в издании «Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв.». (М., 2000. С. 411–453).

⁴⁶ *Чернов К.С.* Забытая конституция «Уставная грамота Российской империи». С. 92–93.

⁴⁷ Постатейный анализ Уставной грамоты и рассуждения о ее назначении, структуре и взаимоотношениях ветвей власти см.: *Захаров В.Ю.* Эволюция российского абсолютизма... С. 420–454.

⁴⁸ О деятельности И. Каподистрии и его роли в формировании политики «конституционной дипломатии» подробнее см.: *Захаров В.Ю.* Эволюция российского абсолютизма... С. 488–491; Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 138–142.

© 2011 г. Л. Ф. ПИСАРЬКОВА *

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В 1803–1809 годах: на пути к реформам государственного управления 1810–1811 годов

История государственного управления первой четверти XIX в. относится к числу недостаточно изученных тем. Внимание исследователей привлекали, как правило, наиболее яркие моменты преобразовательной деятельности в царствование Александра I: реформы 1801–1802 и 1809–1811 гг., конституционные проекты, прежде всего Государственная уставная грамота 1820 г., а также проекты реформирования местного управления¹. В данной статье рассматривается 7-летний период, разделявший реформы 1801–1802 и 1810–1811 гг. В области внутренней политики 1803–1809 гг. не были отмечены яркими событиями, но они важны для понимания особенностей преобразо-

* **Писарькова Любовь Федоровна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.